

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. *Ономастикой* называется наука, изучающая имена собственные живых существ. К именам собственным живых существ относятся: 1) личные имена людей, 2) отчества, 3) прозвища людей, 4) прозвания, или фамилии, людей, 5) клички животных: лошадей, коров, собак, птиц и т. д.

Личными именами называются слова, которые присваиваются при рождении людям и под которыми они известны в обществе.

Отчествами называются слова, входящие в состав именования людей и обозначающие отца носителя того или иного имени.

Прозвищами называются слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества: «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу Блоха» (Тургенев).

Фамилией называется наследственное наименование, переходящее из поколения к поколению: от отца или матери к сыну и дочери, от мужа к жене, или наоборот.

Кличками называются имена или обозначения домашних животных, птиц и других живых существ. Слово *кличка* в языке употребляется и в значении «прозвище».

§ 2. Среди личных имен различаются полные имена и полуимена. Полными являются такие имена, как, например: Николай, Василий, Михаил, а полуимена (уменьшительные имена) — это Коля, Вася, Миша или Колька, Васька, Мишка.

Среди прозвищ различают:

1) индивидуальные прозвища, например: Генаша *Блин*, Афрося *Кривая*, Ваня *Казак*.

2) Прозвища групповые:

а) Профессиональные: «*Гужеед* — бранное прозвище кучера»¹ или извозчика вообще. «И сейчас же окрикивает замешкавшегося возчика: — Заснул, гужеед!» (А. И. Куприн, Юнкера). «Фараоны — прозвище шапочников».

б) Возрастные: «Здесь, в небольшом пространстве классной комнаты, из которой вынесены парты, усердно танцуют дружка с дружкой, под звуки «взрослой» музыки, десятка два самых младших воспитанниц, в зеленых юбочках, совсем еще детей, «малявок», как их свысока называют старшие» (А. И. Куприн, Юнкера).

в) Территориальные: «Жителей дер. Девина зовут «бу-таками» (ТДК, X, стр. 42. См. стр. 34 данной книги). Срвн. у Даля: «*Будники* или *будаки*, бывшие будные, майданные крестьяне, некогда приписанные к казенным будным майданам; они в народе сохранили название это (в пенз, нижг.)»².

г) Территориально-диалектные: «У жителей этих деревень такой акающий говор, что луковские и другие крестьяне зовут их *хамами* и *заворотенями*». Орловск. г. (ТДК, X, стр. 97).

д) Социально-групповые: «*Галман* м., *галманье* ср. собр. кур., тул., орл., тмб., бран., мужик, олух, грубиян, невежа; в вор. так обзывают однодворцев» [государственных крестьян галманы мн. Опд.]³.

е) Прозвища других народов: *Таборь* — прозвище цыган (Герас., стр. 88)⁴.

ж) Бытовые:

«Но едва успели шестеро юнкеров завернуть к началу широкой лестницы, спускающейся в прихожую, как увидели, что наперерез им, из бокового коридора, уже мчатся их соседи, юнкера второй роты, по училищному обиходу — «Звери» или, иначе, «Извозчики», прозванные так потому, что в эту роту искони подбираются, с начала службы, юноши коренастого сложения, с явными признаками усов и

¹ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 4, т. I, СПб — М 1912, стр. 1004

² Там же, стр. 334

³ Там же, стр. 811.

⁴ Список сокращений дан в конце книги.

бороды. А сзади уже подбежали и яростно напирают: третья рота — «Мазочки» и первая — «Жеребцы» (А. И. К у п р и н, Юнкера).

3) Партийные прозвища (или клички): В.И. Ульянов — *Ленин*, С. М. Костриков — *Киров*, М. В. Фрунзе — *Арсений* и другие.

4) Псевдонимы, например, литературные: Горький, Скиталец, Бедный.

Среди фамилий, или прозваний, различаются: собственно-фамилии (официальные) и уличные фамилии, или прозвища. Последние сохранились в говорах: сравн. Топников — при официальном Голованов, Облопохин — при официальном Осипов, Чуднихины — при официальном Обжигаловы и т. д.

§ 3. Русская ономастика, или наука о русских собственных личных именах, является в наше время одним из отстающих от требований жизни и советского языкознания отделов науки о русском языке. За советский период русской истории было опубликовано всего несколько статей, относящихся прямо или косвенно к изучению этой области лингвистического знания. Перечислим главные из статей в порядке их опубликования в печати:

А. М. С е л и щ е в, *Namenanderhungen in SSSR. Kulturgeschichtliche Zusammenfassung einer sprachwissenschaftlichen Studie*, «Slavische Rundschau», VI, Nr 1, 38—42.

В. И. Ч е р н ы ш е в, *Les prénoms russes: dormation et vitalité*, «Revue des études slaves», 1934, t. XIV, fasc. 3 et 4.

В. И. Ч е р н ы ш е в, Несколько замечаний об украинских и русских личных именах («Мовознавство», «Наукові записки», том VI, Академия наук Української РСР (Інститут Мовознавства ім. О. О. Потебні, Київ, 1948).

А. М. С е л и щ е в, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ («Ученые записки», вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1, под ред. акад. В. В. Виноградова, Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова, изд. МГУ, М., 1948, стр. 128—152).

§ 4. Значение изучения истории личных собственных имен определяется прежде всего значением этого разряда слов в русской лексической системе.

Положение этого разряда слов в системе русской лексики своеобразно. Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что личные собственные имена не включаются в словари. Почему? Да, по-видимому, потому, что личные собственные имена не нуждаются в истолковании; следовательно, они лишены «значения» в собственном смысле этого слова. Достаточно указать, что то или иное слово является именем собственным, как потребность в истолковании этого слова отпадает.

Человеческие имена и их формы, восходящие к различным эпохам истории русского народа, красноречиво отражают состояние тогдашнего общества: уровень его культуры, положение их носителей в обществе, а вместе с тем и классовую структуру этого общества. Пожалуй, ни одна область языковой деятельности русского народа не была так тесно и непосредственно связана с его историей, как область ономастики.

Русская историческая ономастика как один из отделов науки об истории русского народа имеет свои особенности. Это наука прежде всего лингвистическая, являющаяся разделом истории русского языка, поскольку материалом ее изучения является языковая действительность — собственные личные имена русских людей различных эпох во всем многообразии их фонетического и грамматического оформления. Но русская историческая ономастика является одновременно и наукой культурно-исторической, поскольку история различных явлений и фактов этой науки была тесно связана с историей культуры русского общества, с историей борьбы классов этого общества. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в истории указанного разряда слов русского языка ярко отразилась история русского народа.

Значение изучения русской исторической ономастики не исчерпывается сказанным. Разработка этой науки имеет большое значение для исторической лексикологии вообще. И не только как специальный отдел этой науки, но и как важный дополнительный источник основного раздела исторической лексикологии, занимающегося изучением основного словарного фонда и словарного состава русского языка. Изучение исторической ономастики существенно уточняет и обогащает наши представления о составе древней русской лексики. О существовании в древней Руси многих слов мы узнаем иногда только на основании

данных ономастики, в особенности слов, связанных с бытом. Например, о широко известном в современном русском языке слове «клуша» (наседка) мы ничего не узнаем из существующих словарей древнерусского языка. Между тем такое слово в XVI в. уже существовало, срвн.: «в холопстве родилась дочь Ненилка, прозвище *Клуша*», около 1565 г. (Зап. кн., стр. 159). Для XVII в. отмечено отчество «Клушин» (Туп., стр. 629). Слово «колыхать» не зарегистрировано в исторических словарях, между тем в XVII в. оно существовало, срвн.: «Микитка Колыхалин, чугуевец, 1648 г.» (Туп., стр. 638); или: «Федька Колыхалов — наименование крестьянина Лебедянского уезда, 1692 г.» (Яковлев, стр. 212). Слова «копыл» не найдем также в указанных собраниях, между тем в начале XV в. оно уже существовало, срвн.: «Василий *Копыл*, московский посол на Афон, 1515 г. (Туп., стр. 251; много раз). Можно было бы привести еще целый ряд других слов, которые не отмечены в исторических словарях, но о наличии которых издавна в русском языке мы узнаём из данных ономастики. Это относится, например, к словам «огарыш», «щеголь», «бирюк», «россомаха», «караул», «деньга», «колпак», «базар» и др.

В отношении целого ряда слов данные ономастики оказываются более древними, нежели данные исторических словарей, срвн.: *Башмак* — название обуви, 1642 г. (Срезн., I, стр. 46), «Данило Башмакъ», 1447 г. (Туп., стр. 99; у него же имеется ряд других примеров для XV—XVII вв.).

§ 5. В структурном отношении древнерусские именованья были различны. Они могли состоять из одного слова, из двух, трех и даже многих слов. Это зависело от разных причин: от социального и семейного положения именуемого, от характера документа, в котором именование употреблено, от того, первый раз употреблено то или иное имя в документе или не первый раз. Отчасти это было связано и с формами, которые имели отдельные части именованья, а также титулами. Люди одного и того же социального положения могли именоваться по-разному в зависимости от того, в какого рода документах им приходилось быть называемыми. Чем более обязывающим был документ по отношению к именуемому, тем полнее было его именование. В служилых кабалах, которые выдавали на себя крестьяне

и в которых перечислялись даже их физические приметы, они наименовались наиболее полно. В состав именования могли входить:

а) имя и отчество:

«Се язъ Бориско Олексѣевъ сынъ занялъ есми», 1598 г. (Новг. каб. кн., стр. 22); «Се язъ Данила Ивановъ сынъ занялъ есми» (там же, стр. 25); «Се язъ Макаръ Ѡминъ сынъ» (там же, стр. 66); «Се язъ Улита Ермолина дочь» (там же, стр. 47); «Се язъ Степанида Самсонова дочь» (там же, стр. 186).

б) имя, отчество и прозвище:

«Се язъ Қалинникъ Ивановъ сынъ, прозвище Кузко» (там же, стр. 46); «Се язъ Марко, а прозвище Осмина, Овдукимовъ сынъ» (там же, стр. 56); «Се язъ Ѡедка МикиѠоровъ сынъ, прозвище Первушка» (там же, стр. 74); «Се язъ МарѠа Григорьева дочь, прозвище Машуря» (там же, стр. 205).

в) имя и два отчества или имя, отчество и имя деда:

«Се язъ Семень Ѡилиповъ сынъ Леонтьева» (там же, стр. 51); «Се язъ Самойло Васильевъ сынъ Юркинъ» (там же, стр. 53); «Се язъ Марко Семеновъ сынъ Оксеновъ» (там же, стр. 58); «Се язъ Яковъ Микифоровъ сынъ Бреховъ» (там же, стр. 59).

г) имя, два отчества и прозвище:

«Се язъ Омоско Ѡедоровъ сынъ Нечаевъ, а прозвище Межага» (там же, стр. 62); «Се язъ Иванъ Ивановъ сынъ, прозвище Пентелейко» (там же, стр. 91); «Се язъ Иванъ Михайловъ сынъ Лудянинъ, прозвище Первой» (там же, стр. 93); «Се язъ Терентей Ивановъ сынъ Проскурнина, а прозвище Жданъ» (там же, стр. 236).

д) в состав именования могло включаться указание на местность, откуда происходит именуемый:

«Се язъ Романъ Оверкѣевъ сынъ Новоторжетцъ» (там же, стр. 124).

е) в состав именования могло войти название профессии:

«Се язъ Иванъ Васильевъ сынъ Овчинникъ» (там же, стр. 132).

ж) именования женщин могли быть более подробными:

«Се язъ Полага Григорьева дочь, прозвище Маня Муромка, Ивановская жена Мелнянинова» (там же, стр. 133); «Се язъ вдова Овдотья Данилова дочь Ивановская жена» (там же, стр. 181); «Се язъ вдова Олена НикиѠорова дочь

Кузминская жена Ондрѣева сына Стеблева» (там же, стр. 184).

Иным был состав именованій крестьян в писцовых книгах — документах, с которыми связывались лишь общегосударственные цели. Здесь крестьяне именуются обычно по одному имени или прозвищу, реже — по имени и прозвищу. Употреблялись и именованія с отчествами. Срвн., например: отрывок из писцовых книг В. Г. Морозова и З. А. Постника-Сатина, 1519 г.: «Село Горки на Богоне.... А в нем крестьян: в. Оникей, в. Бориско, в. Гридка, в. Карпик, в. Степанко, в. Ивашко, в. Алексейко, в. Самойлик, ... в. Ивашко Жиравль, в. Беляйко, ... в. Некраско, ... в. Малей, ... в. Ивашко Тимохов, в. Воробей, в. Ладей, в. Ворывако» (Ак. феод. земл., стр. 42).

Одно и то же лицо, при одних и тех же условиях, могло именовать себя по-разному:

«А грамоту писал Осташ дьяк» (1392—1427 гг.) (Ак. с.-в. Р., стр. 29). — «А грамоту писал Осташ» (1410—1427 гг.) (там же, стр. 36, 38). — «А грамоту писал Осташ Опалишин» (1417—1427 гг.) (там же, стр. 35).

ГЛАВА II

ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКИХ ИМЕН К ГРЕЧЕСКИМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV—XVII вв.¹

§ 6. Для различения людей в составе семьи или небольшого коллектива у восточных славян издавна служили особые слова — личные собственные имена. Это был разряд слов довольно многочисленный, а в семантическом и словообразовательном отношении — весьма многообразный.

В X веке в связи с принятием христианства, получившего в Киевском государстве значение государственной религии, у восточных славян появляются новые имена, ближайшим образом греческого происхождения².

¹ Более подробное рассмотрение этого вопроса см. в статье В. К. Чичагова «Вопросы русской исторической ономастики. Об отношении русских имен к греческим в русском языке XV—XVII вв.», напечатанной в журн. «Вопросы языкознания», № 6, 1957

² Среди них были, как известно, и имена негреческого происхождения в собственном значении этих слов, например, еврейского, латинского. Выражение «греческие имена» употребляется ниже в значении «имена христианские», т. е. пришедшие из Византии в связи с принятием христианства.

Христианство, вместе с культом святых, а с ним и новые, греческие, имена вводились, как известно, церковью и господствующим классом эпохи феодализма принудительно¹. Вполне понятно поэтому, что новые имена, к тому же темные в семантическом отношении, а также нередко трудные и для произношения, не могли сразу же заменить прежних русских имен эпохи языческих верований, складывавшихся в течение ряда веков на основе родного и привычного языкового материала. Таким образом, в X—XI вв. у восточных славян оказалось в употреблении два вида имен, а русский человек того времени назывался по меньшей мере двумя именами, срвн.: «Во своихъ си пріятелѣхъ именемъ Милонѣгъ, Петрѣ по крещенью» (Ипатьевская летопись, под 1199 г.). Или: «Зовемъ бѣше Жданъ помирѣску, а в крещении Микула»².

В связи с описанным выше положением, сложившимся в древнерусской ономастике, перед историком русского языка встает вопрос о том, какова была историческая судьба древнерусских двунаименований, или, иначе говоря, в каких отношениях находились русские и греческие имена в дальнейшей истории русского народа. Рассмотрение этих вопросов применительно к XV—XVII вв. русской истории и является задачей этой главы книги.

§ 7. Об отношении русских имен к именам греческим (христианским) в древние периоды русской истории в литературе по русской исторической ономастике речь заходила не раз. Наиболее подробно об этом говорится в статье Н. М. Тупикова под названием «Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен», напечатанной в качестве предисловия к труду «Словарь древнерусских личных собственных имен». Вопрос об отношении русских имен к греческим (христианским) ставится Н. М. Тупиковым в вышеуказанной статье следующим образом: «Рассмотрим теперь, — пишет он, — вопрос о том, как русские имена относятся к христианским, можно ли их считать (для X—XVII вв.) полноправными личными именами, или же их надо рассматривать как прозвища?» (стр. 65). В результате довольно подробного рассмотрения материа-

¹ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма», ч. I, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 108.

² Е. Г о л у б и н с к и й, История русской церкви, т. I (вторая половина тома), изд. 2, М., 1904, стр. 428. Примечание I.

ла Н. М. Тупиков приходит к следующему выводу: «...русские имена до XVII в. включительно употреблялись подобно христианским в значении личных». В основу этого вывода положены следующие соображения:

1. О равноправном положении русских и христианских имен до XVII в. включительно свидетельствует, по мнению Н. М. Тупикова, прежде всего «самостоятельное употребление русских имен», «т. е. употребляется только русское имя (без христианского)», напр.: «Алмазь Ивановъ, Бажень Микитинъ..., Баимъ Болтинъ, Есенийковъ сынъ Баранъ, Балущъ Афанасьевичъ Маракушевъ и т. д.» (стр. 65).

2. «Иногда при русских именах мы находим в тексте памятника прямое указание, что здесь перед нами личное, а не прозывное имя. Такие примеры известны очень рано:

В XI в.: 1) «поваръ, именемъ Торчинъ»; 2) «бѣ имя ему Чернь».

1380 г.: «Акатьевичъ, нарицаемый Валуи» (Летоп., VIII, 40 (Но в Лаврент., 508 — «Тимофей Волуй»).

1522 г.: «на имя Грошъ» (З. А. II. 136)...

1591 г.: «Пономаръ Огурцомъ зовутъ» (Гр. и Дог., II, 105). (Но также «Федотъ Офонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ») и т. д. (см. Туп., стр. 65).

3. Об одинаковом значении русских имен и христианских свидетельствует, по мнению Н. М. Тупикова, «употребление русских имен наряду с христианскими в значении личных», в частности «при наименовании лиц одной семьи, родных братьев... одни из них называются только христианским, а другие только русским именем». Например: «Хвороща и съ братомъ Ивановъ», 1388 г.; «Ивашко Дюкинъ да его дѣти Некрасъ да Ивашко», 1495 г. (Туп., стр. 67).

4. «От русских имен образуются отчества, как и от христианских» (там же, стр. 68).

5. «Даже в синодиках, подаваемых за упокой, усопшие назывались наряду с христианскими, и русскими именами, например, в Синодике Ивана IV (1582 или 1588 гг.) находим имена: Смирной, Брехъ, Жданъ, Кожара, Корепанъ, Быкъ, Рудакъ, Шарапъ, Мисюръ, Сарычъ и т. д...» (там же).

§ 8. Рассмотрим эти соображения М. Н. Тупикова. По мнению Н. М. Тупикова, «самостоятельное употребление русских имен» свидетельствует о том, что они «употреблялись подобно христианским в значении личных». Но дело

в том, что имена, имевшие значение прозвищ, также могли употребляться самостоятельно. На странице 71 «Очерка» Н. М. Тупиков сам пишет: «Русские имена как прозв и щ а (Разрядка моя — В. Ч.) могли употребляться не только при христианских именах, но и самостоятельно». Напрасно только Н. М. Тупиков искусственно суживает круг русских имен-прозвищ. Под «прозвищами» он понимает только такие русские имена, перед которыми поставлено это слово. Русские имена, перед которыми это слово поставлено не было, являются, по его мнению, именами личными. Даже в таких наименованиях одного и того же лица, как, напр., «Иван Катунинъ, а прозвище Смирйй» (стр. 721) и «Смирйй Гордевь с. (сын.— В. Ч.) Катунинъ», слово «Смирйй» считается прозвищем только в первом примере, во втором же примере оно принимается за личное имя. В наименовании «Ивашка Сергѣевъ, прозвище Муха» (стр. 71) слово «Муха», понятно, принимается за прозвище. Но в названии того же человека «Ивашко Муха» слово «Муха» принимается уже за второе личное имя. С таким пониманием прозвищ согласиться, конечно, нельзя, так как оно предполагает существование прозвищ только на бумаге, а не в живом употреблении. В самом деле, ведь если какой-либо человек носил имя «Иван», а, кроме того, имел еще прозвище «Смирйй», то разве не естественно ожидать, что в одних случаях его могли назвать «Иваном», а в других — «Смирйем»? Личным именем этого человека останется «Иван», хотя оно и не будет представлено в наименовании, а имя «Смирйй» не перестанет быть прозвищем, хотя оно и будет употреблено самостоятельно.

Взгляды Н. М. Тупикова находятся в противоречии и с показаниями памятников письменности. Имеются прямые указания на то, что прозвищами, например, в XVI в. считались и такие русские имена, перед которыми на письме этого слова и не стояло (см. об этом в следующем параграфе). Из сказанного следует, что такие древнерусские наименования, как *Алмаз Иванов*, *Бажен Микитин* и подобные, могут свидетельствовать лишь о том, что в письменном языке XV—XVI вв. русские люди могли называться не только христианскими именами, но и русскими. Но являются ли эти имена личными именами или прозвищами, на этот вопрос такие наименования не отвечают.

§ 9. Не представляется убедительным и второе соображение Н. М. Тупикова. Во всяком случае достоверных